

Содержание

Господи, благослови.....	6
Прииди и виждь.....	40
Послушай меня с любовью.....	47
К Свету	60

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ

Он есть. Я начинаю с этой фразы, однозначной и окончательной. Потому что если Его нет, то нет ничего, нет и меня самого. Если смотреть не на данную точку бытия, а в масштабе вечности, в таких величинах мое «я» теряется в своей микроскопичности, перестает быть и в связи с этим обесмысливается в ничто. Если я сегодня есть, а завтра меня нет, нет окончательно, то это «нет» доминирует над «есть», побеждает его, обесмысливает. Если я не вечен, мое бытие становится вспышкой светлячка-однодневки. Эта вспышка живет некоторое время впечатлением. Но, двигаясь в пропасть вечности, она постепенно размывается в полную субъективность. В окончательное ничто.

Мое бытие может оформиться могильным крестиком, через сотню лет — холмиком земли, который тоже сотрет, сровняет безжалостное время. Но и сама земля не вечна, когда-то и ее не будет.

И что же будет тогда? Кто-то иронично улыбнется, мол, мыслить в таких масштабах — утопия, патология. Если бы мы смогли остановить время, может, эта ирония имела бы право быть.

Но с момента произношения этого сарказма уже прошло несколько секунд, и объективность твоего мнения уже постарела на этот отрезок времени. И пока я пишу это, время продолжает идти, иронизируя уже над тобой. Время — страшное явление. Если оно окончательно для человека, оно, как страшный дракон, пожирает все вокруг — и хорошее, и плохое. Наивные оптимисты утешают себя тем, что плохое пройдет. Но и хорошее вслед за этим — тоже. И через многочисленную цикличность хорошего и плохого наступит окончательное ничто, бессмыслица. И чего стоит тогда твое хорошее или плохое? Все становится бессмысленно одинаковым.

Вдруг запахло пессимизмом, депрессией, скажете вы. Да — для того, у кого время окончательно в своем беспощадном законе отнимания, разрушения. Но я категорически отказываюсь принять этот мир как абсурд и величайшую глупость — мир не только в формате трехмерного пространства, а глубже, шире. Я верю в его глубокий смысл. Бездонно глубокий, не вмещающийся в ограниченное пространство моего земного «я». Это время кто-то завел, запустил, и оно направилось по траектории, заданной Великим Часовщиком. У времени было начало и будет конец. Иначе оно будет пожирать все законом смерти.

Но остановка и есть смерть. Как я могу преодолеть это противоречие? Мы оформляем стереотип времени в горизонтальной линии, которая движется из одной точки к другой. Остановка — смерть. Но остановка может быть неокончательной. Остановившись в горизонтальной плоскости, время может пойти снизу вверх, вертикально. Умирая в горизонтальном направлении, оно оживает в вертикальном. Мы просто переходим в другую ось координат и продолжаем жить, но уже в других законах бытия. В законах, у которых есть *Законодатель*.

Ибо закон без *Законодавца* — абсурд. Когда меня пытаются убедить, что законы природы существуют сами по себе, я задаю навстречу закономерный вопрос: а природа — это «что» или «Кто»? Творить может только «Кто», и никак иначе. Значит, у природы «что» есть «Кто» — Тот, Который ею руководит.

И если мы не хотим верить в этого «Кто», нам придется поверить в абсурд, бессмыслицу. Бессмыслицу как отсутствие мысли в гармонии мироздания.

Весь космос говорит о своей трехсоставности. Он наполнен материей, энергией и информацией. Информацией, которая оформляет первые два, наполняет смыслом. Космос осмыслен,

разумен, наполнен жизнью. И жизнь — это Он, все наполняющий, оживляющий.

Он — Жизнь, вне Его — смерть, в любой оси координат. Попытка строить свое бытие вне Его является самоубийством, движением в никуда, в черную дыру, имя которой — смерть. Если жизнь остановится в горизонтальном векторе движения и направится вниз, погружаясь в эту черную дыру, она начнет умирать.

Измени направление снизу вверх, в Горняя, к жизни, к Богу, Который есть Жизнь. Люди катастрофически боятся смерти и в то же время не могут от нее оторваться, как от окончательной точки бытия. Мы никак не осмысливаем данность того, что за этой дверью что-то есть. Как ребенок, который прожил целую жизнь в утробе матери, в момент родов начинает проживать состояние умирания. Он не подозревает, что его маленький темный космос не окончателен, что там, за точкой смерти, есть жизнь, целый мир, шире, светлее, богаче, чем утроба матери. И самое главное, там ждет его встреча с ней, глаза в глаза.

Раньше он жил внутри, безвидно, неоформленно, и вдруг он ее видит, слышит, ощущает, по-новому для себя входит с ней в непосредственный контакт. Это восторг, радость, счастье, хотя всего минуту назад он переживал состояние

смерти, его трясло, выталкивало из привычного мира через невероятную тесноту, узкие ворота. Теснота сдавливала его грудь, он задыхался, почти умирал, поэтому первое, что было после появления на свет, это крик. Детский крик. Он умер в формате того мира и родился в другом.

Пребывание в рамках каждого мира обусловлено стереотипами привычного. Человек не мыслит категориями, не входящими в его сиюминутную данность. Я верю только в то, что вижу, слышу, ощущаю, и не более того. Но есть вещи даже в пространстве этого мира, которые мы видим, но не слышим, слышим, но не ощущаем. И они имеют право на бытие, даже если переживаются всего одним органом чувств, тогда как остальные чувства молчат. Мы живем стереотипом того, что мир познается непосредственно пятью органами чувств: зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом. Но в человечестве всегда жило понятие шестого чувства. Это религиозное чувство. Во многих оно почти атрофировано в связи с неупотреблением. Как если ребенка с рождения держать в абсолютно темной комнате и в 10 лет вывести на белый свет. Он ничего не увидит в связи с тем, что его зрительный нерв атрофируется в полной темноте из-за неупотребления.

Так и нерелигиозный человек лишен этого органа чувств, потому что он атрофирован. Если слепорожденный станет спорить, что на небе ничего нет, потому что он ничего не видит, для зрячих это будет по меньшей мере наивно. Он верит всего лишь в свои ощущения, которые для других субъективны. Так верят атеисты, опираясь на свои ощущения в границах пяти чувств при отсутствии шестого чувства. Они опираются на ограниченные чувства и рассудок. Но рассудок — это не чувство, это способность оформлять, анализировать, систематизировать увиденное, услышанное и так далее. Но наша жизнь как «я» находится не в рассудке, а в сердце, которое дает окончательную оценку предмету, событию, личности. Так вот, Бог — это не предмет, событие, о которых могут рассуждать наши пять органов чувств. Это Личность, в глубокое отношение с Которой входит наше шестое чувство.

В формате этого мира наши чувства живут чутко, иногда даже гипертрофированно чутко, до патологии. Они все рождаются во внешнем сердце, в связи с чем часто бывают легкомысленными. Но шестое, самое высокое, чувство живет в глубоком сердце. Оно звучит на тончайших волнах, и для тех людей, которые развивают свою жизнь в природе внешних, грубых чувств, оно почти не слышно. Для многих его вообще просто нет. Нет

ни чувства, ни Того, Кто звучит, хотя для многих остается голос совести, без понимания Того, Кто это произнес в нашем сердце. То есть, если прозвучал голос, он должен Кому-то принадлежать. Событие без причины становится иллюзией.

Во все времена жили духовно талантливые, одаренные люди, у некоторых из них религиозное чувство было обострено от рождения, другие стимулировали его жизнь духовными практиками, оживляли его, усугубляли. По большому счету, в каждого из нас от создания вложено стремление к возвышенному, неизведанному, чрезвычайному. Этот призыв звучит где-то глубоко в интуиции, беспокоя, стимулируя к действию. Нет и не было в истории такого народа, у которого бы совершенно отсутствовало религиозное чувство — только на время и только отчасти. Этот зов к неведомому заставлял человека искать Бога, искать часто в меру своей испорченности, что порой доходило до религиозного и философского уродства, вплоть до самых страшных, извращенных культов. Это закономерно всегда, когда человек открывает для себя Бога, а не Бог открывает Себя нам. Эта духовная ошибка действовала и будет действовать, пока человек пользуется подручным материалом, лепя для себя Бога, то есть своими земными стереотипами, понятиями. Он спешит, действует и рождает

духовные патологии, которые называются идолами, а человек — идолопоклонником. Идол — это то, что создал себе человек. Настоящее духовное открывает Бог тому, кто способен принять. Бог — самая деликатная Личность, деликатная Своим величием. Великому не нужно кричать, доказывая свою величину, не нужно спорить, Он выше этого. Поэтому Бог всегда деликатно молчит, пока человек звучит своим «я». Но «я» человека пишется с маленькой буквы, потому что в масштабе Бога человек микроскопичен.

Евангельская проповедь начинается словами Предтечи: «Покайтесь» (см.: Мф. 3: 2). Вслед за этим приходит Господь и начинает с того же. «Покайтесь» звучит как главный смысл, как ключ, без которого не открывается духовное пространство. Покайтесь — это не попросите прощения, это значит — приидите в духовный разум. Переосмыслите самих себя через опыт личных ошибок и грехов всего человечества. Крайняя несостоятельность — это и есть единственный смысл покаяния. Только в этом состоянии человек способен замолчать и перестать действовать там, где должен говорить и действовать Бог. Нам даны Христом заповеди не для того, чтобы мы их исполнили, а для того, чтобы мы узнали самих себя, провалив этот экзамен. Это и есть начальный деятельный период духовной

жизни, который зовется покаянием. В этот период нужно действовать, потеть, уставать, изнемогать, но не для того, чтобы родить духовные состояния и якобы отношения с Богом — ни в коем случае. Здесь одна-единственная главная цель — познать самого себя, а не Бога, свою немощь, несостоятельность и через это замолчать, остановиться, заплакать глубоким плачем, почти умереть своим «я», своим действием, звучанием. Тебя понесет в тесноту покаяния, как в узкие врата, игольное ушко. Там ты почти умрешь, задохнешься, перестанешь быть как личность, величина. И вдруг, пройдя точку духовной смерти, выйдешь с другой стороны в духовное пространство и только там увидишь, услышишь Его. Главная и единственная ошибка всех духовных практик — не пройдя точку покаяния, к которой ведет длинный путь с истощанием — *Царство Божие нудится* (Мф. 11: 12), — ожидать духовных событий, состояний. Они действительно случатся, но как патологии, рожденные твоей разгоряченной психикой.

Во всех духовных практиках действительно присутствует объективный духовный опыт встречи, переживания, даже ответа с той стороны, но чаще всего это звучит всего лишь твое «я» в диалоге с самим собой. Эта духовная иллюзия становится патологией, рождающей субъективные